
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

А. Э. Левицкий

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СИСТЕМА ЯЗЫКА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Дмитрий Георгиевич Богушевич был выдающимся лингвистом, который активно исследовал языковые единицы с позиций их функционирования. Его многочисленные выступления на научных конференциях и публикации раскрывали новые подходы к анализу разноуровневых единиц языка как частей системы (см., напр., [1; 2; 3]). Тематика работ профессора Д. Г. Богушевича всегда определяла передний край новых поисков в данном направлении, касалась наиболее важных проблем лингвистики второй половины XX – начала XXI века.

Это касается, в частности, и проблемы классификации единиц языка с позиций их функционирования. Дело в том, что предметом разногласий между отдельными лингвистами и школами языковедческой мысли до сих пор продолжают оставаться принципы распределения словарного состава по классам и количество этих классов. По нашему мнению, следует, прежде всего, исходить из того, что язык представляет собой особого вида систему, в которой все элементы взаимосвязаны, а классы слов образуют единое целое, элементы которого отражают эту связь. Их тесное взаимодействие и взаимозависимость в структуре высказывания, дистрибутивные свойства, необходимость учитывать не только их план выражения, но и план содержания способствуют поиску новых критериев для описания системы языка и поиска категорий для классификации его единиц. Парадигматические отношения, к примеру, не могут показать всей значимости отдельных классов слов, их валентностных свойств, которые выявляются в пределах синтагматических реляционных отношений.

В целом же категории позволяют проследить потенции развития тех или иных процессов в языке, не ставя их в жесткие рамки априорных конструкций. Так, еще А. М. Пешковский писал: «Когда подходят к частям речи с классификационной точки зрения, естественно стараются разместить все слова языка по тем или иным установленным данной классификацией рубрикам. Это обычно плохо удается, и исследователям приходится либо насильно втискивать некоторые слова в не покрывающие их рубрики, либо придумывать новые мелкие и не соотносительные с основными рубриками» [4, с. 134–135].

Главной помехой в создании определенной четкой классификации номинативных единиц языка мы считаем игнорирование особенностей

системы, в которую данные элементы входят, и части которой конституируют. С этой проблемой тесно переплетается и другая – пренебрежение особенностями системы конкретного исследуемого языка, т. е. попытка переноса анализа, релевантного для системы единиц одного языка, на материал, который не может по своим типологическим особенностям четко соответствовать не для него выработанным критериям. Таким образом, псевдоуниверсальная теория порой подгоняется для описания и систематизации не вкладывающихся в классификацию элементов.

Исследования в области философии, логики, информатики, ряда точных наук позволяют нам точнее сформулировать определение «системы» обозначить принципы системно-структурного подхода к проведению собственного лингвистического анализа.

Известно, что объективные законы развития науки и техники, а также практические запросы современного общества привели к возникновению потребности систематизировать исследуемый материал, к которому может быть и отнесен язык как система знаков.

Система должна строиться не на интуиции разной у различных людей, а на учете реальных данных. Возникающие противоречия должны служить сигналами к пересмотру предлагаемой концепции, согласие – повод для дальнейшего продвижения по избранному пути. В качестве критериев правильности мы используем критерии полноты, непротиворечивости и независимости. В философии уже выработаны пять аксиоматических условий функционирования определенных систем: 1) существование как их фундаментальная характеристика; 2) множество объектов – это «мир», в котором они выделяются; 3) единое – логическое основание классификации; 4) единство – отношение между определенными объектами, благодаря которому возникают новые для них и всей их совокупности свойства – аддитивные, неаддитивные, аддитивно-неаддитивные; 5) достаточность – необходимость составляющих элементов для данной системы [5, с. 8–10]. Этот подход позволяет нам исходить из комплекса категорий диалектического материализма. Категориальность выделенных условий позволят избежать узости подхода и приведут нас к достаточно стройной теории системы.

Процесс развития понятий *элемент* и *структура*, которые несколько раньше понятия *система* превратились в общенаучные по своему статусу, доказывает, что распространение определенных понятий в науке и технике представляет собой первый, «эмпирический» шаг на пути их превращения в новые философские категории. Завершающим же, «теоретическим» шагом на этом пути, по мнению С. Н. Смирнова, явилось философское обобщение этих понятий [6, с. 60]. Данное обобщение позволяет выявить, что базой широкого употребления понятий *элемент* и *структура* в различных научных и технических дисциплинах служит наличие определенного внутреннего единства, существенной общности во всех их разнообразных вариациях. Тем самым, главным в понимании *системы* представляется то, что поведение

и свойства целого определяются взаимодействием его частей. Это делает само понятие *системы* основой нового, синтетического взгляда на окружающий нас объективный мир как комплекс взаимодействующих элементов. Мы также не должны игнорировать факт представления системой элемента другой системы более высокого порядка, учитывая взаимосвязь и взаимодействие различных элементов действительности. Это позволяет исследователю изучать поведение объекта как целостного образования, исходя из специфики его элементов и особенностей взаимодействия между ними. Под объектом же познания мы понимаем то, на что направляется познавательная деятельность субъекта с точки зрения его (объекта) поведения и строения. На основе информации о множестве соответствий, существующих между поведением объекта исследования и его строением, а также проявляющимися изменениями в изучаемом объекте представляется возможным вскрыть между ними существующие функциональные связи. Таким образом, любой объект реальной действительности может быть описан в форме некоего множества функций. Их познание позволяет не только адекватно описать динамически изменяющийся объект исследования, но и дает возможность выявить некоторые тенденции его развития, которые способны проявить себя в обозримом будущем.

Раскрытие законов функционирования отдельных составляющих систему элементов, их функциональной сущности позволяет причислить систему к функциональным, т. е. постоянно развивающимся, действующим и изменяющимся элементам среды. Внутри любой системы, как уже было отмечено ранее, существуют свои довольно сложные взаимоотношения между ее составляющими. Эти более мелкие системы точно так же подвержены особым законам функционирования. Важно отметить, что прекращение функционирования какого-либо элемента системы ведет за собой изменение функциональных характеристик взаимодействующих с ним ее составляющих и всей системы в целом. Это способно, при определенных условиях, затормозить функционирование других элементов и системы полностью. Однако же взаимосвязь и взаимодействие всего живого на Земле позволяют сделать вывод о возможности выполнения функций, утраченных одной системой, ранее с ней взаимодействовавшей.

Поскольку функции и свойства, характеризующие поведение объекта, выступают как функции и свойства его специфического строения, постольку раскрытие строения объекта оказывается целью познания функциональных законов его поведения, движения и изменения. Именно поэтому знать и понимать причины функционирования предмета означает раскрыть специфику его строения. Однако же не всегда в схожих системах одни и те же составляющие ведут себя одинаково. Они могут функционировать по-разному, обеспечивая тем самым, как не парадоксально, одинаковое функционирование разных системных объектов.

Рассматривая язык как систему, мы должны признать, что разные языки на земном шаре выполняют одни и те же функции, например, коммуника-

тивную, дистинктивную, контактоустанавливающую, когнитивную, апеллятивную, аккумулятивную, перцептивную, экспрессивную, волюнтативную, эмотивную и т.д., но их элементы, т. е. составляющие структуру языка, функционируют по-разному. Для обеспечения одной и той же языковой функции в разных языковых системах существуют свои особенности ее выполнения – чаще всего разными языковыми единицами. Например, для выполнения одного и того же действия – оценки степени проявления признака средствами современного английского языка могут быть привлечены либо единицы морфологического уровня (формы степеней сравнения прилагательных и наречий, а также аффиксы градуальности – *-ish*, *-y*), лексического уровня (квалификаторы) или синтаксического (квалифицирующие синтаксические структуры). Для вербального выражения эмоций возможно использование единиц, находящихся на фонологическом, морфологическом, лексическом или синтаксическом уровнях. При этом во всех случаях цель коммуникации будет достигнута.

Безусловно, каждый элемент языковой системы имеет свои неповторимые функциональные особенности, которые используют говорящие для достижения максимальной адекватности процесса коммуникации. Однако нельзя отрицать и существование в языке значительного количества разноуровневых языковых единиц, которые выполняют сходные или тождественные функции.

Нельзя сказать, что в безартиклевых языках нет способов передачи детерминативности. Для этого используются другие средства. В целом же функция достигается при отсутствии одного языкового элемента – другим.

Итак, основная трудность и конечная цель познания строения любого объекта состоит именно в раскрытии того, как функционирует его структура, по каким законам и как объединяет она элементы с данным элементарным поведением в единое целое с другими.

Выскажем также согласие с утверждением С. Н. Смирнова, что «познание строения в аспекте функционирования его элементов и структуры, т. е. объекта в целом, оказывается необходимым, с одной стороны, для структурного, самого глубокого объяснения поведения и свойств объекта как целого, а с другой – для выявления сущности самого строения, его структурных законов, оказывающихся структурными законами функционирования объекта как целого, сущностью второго порядка, из которой может быть выведена и объяснена сущность первого порядка – функциональные законы поведения объекта» [6, с. 76].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и после выделения элементов структуры, коими в языковой системе выступают фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания и предложения, не следует отбрасывать функциональный подход к языковым данным. Наоборот, язык как специфическая и постоянно развивающаяся система позволяет анализировать функциональные особенности ее составляющих в динамике, что дает возможность выявлять, с одной стороны, разноуровневые языковые единицы, которые

функционируют одинаково, а с другой, – изменения в функционировании одной и той же единицы языка в зависимости как от внеязыковых, так и от языковых условий.

Кроме того, при функциональном описании языковых единиц, исходя из общей теории систем, выделяются такие основные уровни: уровень мышления (познания и языкового оформления); уровень языка (основной детерминирующий уровень); уровень речи (сферы проявления, реализации языковых данных). При этом мы не отрываем рассматриваемые уровни друг от друга, а учитываем их взаимодействие и взаимообусловленность, их функциональные связи и формы. Принципиально важным здесь становится разграничение (внутри функционального) когнитивного, семиотического, синтаксического и прагматического аспектов бытия, сущности, явления и действительности изучаемых единиц, их классификации внутри системы языка.

Данное положение обусловлено действием триады «говорящий – текст – слушающий», каждый компонент которой осмысливается одновременно как автономное и коррелирующее целое, поскольку его познание мотивируется остальными двумя составляющими [7, с. 60–61]. Деятельность говорящего тесно связана с особенностями кодирования объективной информации и принципами субъективизации речи. Коммуникативная же деятельность человека соотносится с закономерностями кодирования/декодирования и превращением неизвестного в известное.

Считаем необходимым подчеркнуть, что мы не отождествляем понятия *система*, *структура* и *набор элементов с отношениями*, опираясь на выработанный общепринятый подход [8] – если и категория системы, и категория структуры равно раскрываются с помощью категории отношения, то сущность их оказывается зависимой от того реального содержания, которое вкладывается именно в это опорное понятие.

Понятия *системы* и *структуры* базируются на одном и том же признаке (наличии связи) – его целостности, т. е. невыводимости общих свойств из свойств отдельных элементов, его составляющих. Таким образом, известная первоначальная нерасчлененность рассматриваемых понятий и их смешение могут быть отчасти объяснены за счет того, что оба они предназначались для отражения способа объединения определенных элементов в целостное неразрывное единство и что они равно служили задаче адекватного описания не только целостного, но и сложного объекта. Они оба направлены на описание и обнаружение свойств объектов, воспринимающихся одновременно как целостные, т. е. не сводимые по своим свойствам к сумме свойств их элементов, и как сложные, т. е. членимые объединения, выделяющие в самих себе отдельные составные части [9, с. 17].

Функциональная трактовка языковой системы связана, прежде всего, с подчеркиванием ее назначения. По словам Й. Вахека, функциональное направление знаменуется выработкой «понятия языковой системы как инструмента мысли и коммуникации» [10, с. 100].

Данная позиция, которую мы в основном разделяем, обусловлена интересом к месту языка среди других явлений, обеспечивающих нормальную деятельность человеческого общества. Тем самым структурно функциональная характеристика системы языка составляет все ее многосторонние связи с окружающей действительностью, образующие отдельные структуры. Язык составляет систему средств выражения, служащую какой-то определенной цели [9, с. 17]. В качестве данной цели рассматривается достижение адекватности процесса общения.

Функциональное понимание системы языка вытекает из признания его средством передачи информации, из взгляда на язык как орудия общения. «Язык функционирует не потому, что он система, а наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели» [11, с. 156]. Язык существует как форма деятельности, а эта деятельность системна [11, с. 172].

Главными признаками системы языка выступают те, которые обеспечивают выполнение коммуникативных задач, а свойства ее отдельных конstituентов согласно их функциональной нагрузке могут быть определены либо как функционально релевантные, либо как функционально нерелевантные. Данное разделение основывается на различиях по выполняемым ролям в ходе построения высказывания. Функциональный же критерий в качестве основного выступает лишь в процессе реализации когнитивных и языковых составляющих как в процессе речепорождения, так и в процессе речевосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Грамматика как операциональная система / Д. Г. Богушевич // Концептуализирующая сила грамматики : Ars grammatica : сб. науч. ст. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 5–9.
2. *Богушевич, Д. Г.* Функциональные основания построения таксономии единиц языка (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Д. Г. Богушевич ; Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск, 1993. – 23 с.
3. *Богушевич, Д. Г.* Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка / Д. Г. Богушевич ; науч. ред. И. П. Сусов. – Минск : Выш. шк., 1985. – 116 с.
4. *Пешковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1956. – 511 с.
5. *Урманцев, Ю. А.* Начало общей теории систем / Ю. А. Урманцев // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д. П. Горский. – М., 1978. – С. 7–41.

6. *Смирнов, С. Н.* Элементы философского содержания понятия “система” как ступени развития познания и общественной практики / С. Н. Смирнов // Системный анализ и научное знание / отв. ред. Д. П. Горский. – М., 1978. – С. 60–83.
7. *Загнітко, А. П.* Функціональність у системі інших концепцій і підходів / А. П. Загнітко // Функціональна граматики / відп. ред. А. П. Загнітко. – Донецьк, 1994. – С. 60–61.
8. *Dekker, P.* The Values of Variables in Dynamic Semantics / P. Dekker // Linguistics & Philosophy. – 1996. – Vol. 19, № 3. – P. 211–257.
9. *Звегинцев, В. А.* Тезисы Пражского лингвистического кружка / В. А. Звегинцев // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1967. – С. 17–41.
10. *Вахек, Й.* Пражские фонологические исследования сегодня / Й. Вахек // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / под ред. В. А. Звегинцева. – М., 1967. – С. 100 – 114.
11. *Косериу, Э.* Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике : сб. ст. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143–343.